





АНДИЖАНСКОЕ ВОЗСТАНИЕ И ЕГО ПРИЧИНЫ.

ВЪ ДЕКАБРЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1907 г. помѣщена интересная статья г. Ювачева подъ заглавіемъ «Курбанъ-Джанъ-датха, каракиргизская царица Алая».

Въ этой статьѣ, между прочимъ, сказано нѣсколько словъ объ извѣстной попыткѣ минь-тюбинскаго ишана Дукчи поднять газаватъ—попыткѣ, закончившейся андижанской рѣзней въ маѣ 1898 года и казнью виновныхъ.

Въ печати нѣсколько разъ передавалась фактическая сторона андижанскаго возстанія, причемъ какъ раньше, такъ и въ статьѣ, о которой я упоминалъ выше, событіе это излагалось не достаточно полно по своему внутреннему смыслу, съ пропускомъ нѣкоторыхъ характерныхъ отгѣнковъ и къ тому же всѣми оно освѣщалось нѣсколько односторонне, безъ попытки дать иную, болѣе глубокую и безпристрастную оцѣнку причинамъ, вызвавшимъ этотъ прискорбный эпизодъ. Мнѣ кажется, нынѣ настало время пролить нѣсколько свѣта на эту темную страничку въ исторіи нашего управленія Туркестанскимъ краемъ.

Изложу вкратцѣ фактическую сторону этого дѣла.

Въ ночь съ 17-го на 18-е мая 1898 года вспыхнуло въ Ферганской области возстаніе мусульманъ, которое хотя было чрезвычайно кратковременно и имѣло характеръ по внѣшнему виду мѣстный, но въ глубинѣ своей хранило причины большой важности.

По имени города Андижана, на гарнизонъ котораго обрушились послѣдствія возстанія, возстаніе носить у насъ имя «андижанскаго».

Главныя обстоятельства этого происшествія были слѣдующія:

Шайка мусульманъ, въ составѣ около 2000 человекъ (1000 человекъ конныхъ и 1000 пѣшихъ) подъ предводительствомъ минь-тюбинскаго¹⁾ ишана Магометъ-Али-Халифа, вдохновленная фанатизмомъ, подъ знаменемъ пророка (газаватъ) напала на лагерь войскъ андижанскаго гарнизона. Пользуясь темнотой, мусульмане подкрались къ крайнему бараку, въ которомъ спали люди трехъ взводовъ 4-ой роты 20-го Туркестанскаго линейно-кадроваго батальона, окружили баракъ и, ворвавшись въ него, начали убивать безпомощныхъ солдатъ. Благодаря присутствію духа пробудившихся нижнихъ чиновъ, нападающіе были вскорѣ отбиты, причемъ жертвой нападенія были 21 убитыхъ, 14 тяжело раненыхъ и 5 легко раненыхъ нижнихъ чиновъ. Какъ оказалось изъ произведеннаго разслѣдованія, нападеніе это не было слѣдствіемъ какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ, но носило характеръ заблаговременно обдуманнаго предпріятія, которое если не разразилось въ катастрофу болѣе ужасную, то лишь благодаря случайности, соединенной съ отсутствіемъ у нападающихъ надлежащихъ средствъ къ борьбѣ, а также низкому уровню культуры нападающихъ, не имѣвшихъ возможности бороться съ противникомъ, превосходящимъ значительно ихъ въ этомъ отношеніи.

Въ высшей степени интересна личность главы заговора—ишана Магомета-Али; будучи еще мальчикомъ, ишанъ обнаруживалъ склонность къ религіознымъ размышленіямъ и сталъ сначала послѣдователемъ пайтокскаго ишана Султанъ-хана-Тюри, а впослѣдствіи его ближайшимъ мюридомъ. Послѣ смерти своего учителя, ишанъ сталъ его преемникомъ, принявъ званіе «халифа»²⁾; преемство же Султанъ-хана въ халифствѣ возводилось къ Магомету-Богаэтдину, знаменитому святому Средней Азіи, основателю самаго вліятельнаго изъ средне-азіатскихъ дервишскихъ орденовъ, носящаго названіе «Накши-бенди». Въ 1887 году ишанъ совершилъ «хаджи» въ Мекку, гдѣ, по преданію, у гроба пророка Магомета получилъ откровеніе отъ Бога, что онъ долженъ ишанствовать 10 лѣтъ, а по истеченіи этого времени объявить «газаватъ». По возвращеніи своемъ на родину, ишанъ приобрѣлъ большую популярность среди правовѣрныхъ своимъ постояннымъ сочувствіемъ къ бѣднымъ и своей особой религіозной силой, которою, по повѣрью простого народа, онъ обладалъ. По мѣрѣ того, какъ росла его извѣстность, росло число его послѣдователей («мюри-

¹⁾ Названнаго такъ по имени кишлака Минь-тюбе Опскаго уѣзда, гдѣ родился ишанъ.

²⁾ Что значить—намѣстникъ пророка Магомета.

довъ»); какъ духовный руководитель и наставникъ вѣры, отличавшійся строгимъ безкорыстіемъ, блюститель нравственности и обычаевъ предковъ, врачъ и совѣтникъ во всевозможныхъ вопросахъ жизни, Магометъ-Али пользовался громаднымъ авторитетомъ среди населенія и слава объ его святости распространялась далеко за предѣлами Ферганы (напримѣръ, у одного изъ его самыхъ приближенныхъ мюридовъ, Идоятъ-хана, нашли письмо, въ которомъ одинъ изъ учениковъ («суфій») сообщалъ, что даже въ Токмакѣ, Пишпекскаго уѣзда Семирѣченской области, есть заочные послѣдователи ишана).

Зимою 1897 года къ ишану явился нѣкто Хаджи-Абду-Джалиля-Миръ-Садыкъ-Карыевъ, выходецъ изъ Константинополя, который будто бы передалъ ишану волосъ изъ бороды пророка, а также грамоту, присланную отъ турецкаго султана, вмѣстѣ съ халатомъ отъ падишаха и уговаривалъ ишана отъ имени султана начать «газавать» противъ невѣрныхъ.

Нужно знать экзальтированную натуру мусульманъ и ту громадную энергію, которую возбуждаетъ въ нихъ всякій жизненный вопросъ, связанный съ вопросами религіи и непосредственнымъ соприкасающійся съ священными мѣстами или лицами, чтобы понять состояніе фанатика-ишана въ этотъ моментъ, помнившего еще къ тому же откровеніе Божіе, котораго онъ будто бы удостоился у гроба пророка.

Подогрѣтый откровеніемъ и посылкой грамоты съ халатомъ отъ самого падишаха¹⁾, ишанъ началъ энергично и весьма умѣло дѣйствовать на умы и сердца своихъ послѣдователей въ желаемомъ направленіи. Достиженіе этой цѣли значительно облегчалось настроеніемъ туземнаго населенія Ферганы, покоренной нами недавно, населенія, пытавшагося неоднократно поднимать вооруженное возстаніе противъ русскихъ: въ 1878 году было возстаніе подъ предводительствомъ Джетымъ-хана, повѣшеннаго въ Андижанѣ; въ 1882 году объявленъ газаватъ съ ханомъ во главѣ и виновные были повѣшены въ Андижанѣ; въ 1885 году замѣчалось движеніе въ уѣздахъ Маргеланскомъ и Андижанскомъ, созданное Дервишъ-ханомъ; въ 1893 году была попытка объявить газаватъ со стороны Собыръ-хана и наконецъ возстаніе 1898 года. Я пока не буду касаться причинъ этихъ возстаній, къ изложенію которыхъ перейду ниже, здѣсь же постараюсь закончить фактическую сторону дѣла.

День объявленія «газавата», хранился въ тайнѣ; ближайшіе довѣренные люди ишана узнали о немъ лишь 13—14-го мая; большинство же до кануна происшествія не было совершенно посвя-

¹⁾ Достоверность того, что посланникъ былъ отъ султана, подвержена до настоящаго времени большимъ сомнѣніямъ.

щено въ это дѣло, имъ лишь было объявлено, чтобы по приказанію они собрались въ извѣстныя мѣста и исполняли то, что будетъ приказано.

Этимъ отчасти объясняется, почему наша администрація узнала такъ поздно о готовящемся событіи.

Для пріобрѣтенія необходимыхъ матеріальныхъ средствъ въ серединѣ февраля 1898 года въ Кокандѣ появились подложныя письма къ богатымъ туземцамъ съ требованіями, чтобы они приготовили «зякетъ»¹⁾ за послѣднія 15 лѣтъ, чтобы люди «Сахибухуруджа»²⁾, въ случаѣ газавата, могли имѣть эти деньги. Подобный фактъ нашей администраціей былъ сочтенъ за обыкновенный шантажъ.

Между тѣмъ въ домѣ ишана происходили совѣщанія, которыя привлекали все большее число послѣдователей; самъ ишанъ въ этихъ совѣщаніяхъ лично не участвовалъ, а дѣйствовали его приближенные, какъ, на примѣръ, Мулла-Зіяутдинъ, казначей и главнѣйшій приближенный, и другіе.

Въ апрѣлѣ у ишана было такое громадное сборище народа, что многіе, за неимѣніемъ мѣста на дворѣ и въ мечети, молились на улицѣ. Въ концѣ апрѣля ишанъ далъ своимъ приближеннымъ для раздачи 190 «чакрукатъ», или пригласительныхъ писемъ, за малой печатью самого ишана; эти письма были развезены вліятельнымъ мусульманамъ, жившимъ между Нарыномъ и Кара-Дарьей, и въ нихъ заключалось распоряженіе собраться всѣмъ близъ кишлака Минь-тубе.

Въ подтвержденіе своей вѣрности нѣкоторые должностныя лица туземной администраціи приложили печати къ особенному письменному воззванію ишана³⁾.

Организація газавата была предположена слѣдующая: главное нападеніе, подъ начальствомъ самого ишана, должно было быть произведено на Андижанъ, гдѣ, вырѣзавъ гарнизонъ и овладѣвъ крѣпостью, мусульмане покончили бы съ остальнымъ русскимъ населеніемъ; это главное нападеніе должны были сопровождать

¹⁾ Подать.

²⁾ Въ переводѣ: «вновь воцарившагося».

³⁾ Воззваніе гласило слѣдующее:

«Богъ создалъ изъ ничего 18,000 міровъ, въ которыхъ далъ человѣку совершенный образъ, возвысивъ его надъ остальными существами, и отца нашего Адама короновалъ халифомъ. Весь міръ создалъ для нашего пророка, сдѣлавъ его къ себѣ божье близкимъ и, посадивъ его на почетный тронъ, Богъ обратился къ нему, говоря: «О пророкъ, да будетъ война съ немусульманами и отступниками отъ вѣры», за что обѣщалъ рай, если будутъ вѣрными и приближенными его рабами. Четыре преемника пророка, давая наставленіе народу, сказали: «Кто пожертвуетъ для Бога и пророка своимъ имуществомъ и жизнью ради газавата, тотъ будетъ подобенъ намъ». Для удержанія недостойныхъ людей написали книгу и послали для памяти. Слѣдовательно, теперь намъ нужно и обязательно, какъ

другія, на Ошъ и Маргеланъ. Для организаціи нападенія на Ошъ сообщники ишана должны были собраться въ горахъ Науката, на мѣстности Акъ-Терекъ, подъ предводительствомъ Умарбека; сборный пунктъ — Тамчи-Булакъ, въ 12 верстахъ отъ Оша; сюда должны были собраться Умарбекъ-датха, жители яппалакского общества, Сатты-бай съ опшцами и мелкія партіи изъ остальныхъ мѣстъ.

Руководителемъ нападенія на Маргеланъ былъ назначенъ старо-маргеланскій житель, ишанъ Инаятъ-ханъ. Послѣднія два нападенія не состоялись.

Въ ночь на 14-ое и 16-ое мая у ишана послѣдовательно собирались сходки: изъ нихъ на первой онъ объявилъ свой планъ и раздавалъ халаты, на второй же было объявлено, что, по сверженіи русскаго владычества, ханомъ предназначался племянникъ ишана Абдула-Азисъ, 14-тилѣтній мальчикъ. Кромѣ того, въ послѣдніе дни ишанъ при всякихъ собраніяхъ объявлялъ въ мечети о полученіи клятвы отъ вліятельныхъ лицъ, подтверждалъ о безпрекословномъ повиновеніи и прибавлялъ, что сборъ назначается на воскресенье вечеромъ у Замберъ-бия, что на холмахъ подъ Андижаномъ.

Вечеромъ 17-го мая, въ 8 часовъ, ишанъ во главѣ толпы въ 200 человекъ выступилъ изъ кишлака Минь-тюбе, выславъ впередъ особый отрядъ киргизовъ подъ начальствомъ Мулла-Ахмеда, съ приказаніемъ прервать телеграфное сообщеніе; отрядъ ишана состоялъ изъ двухъ частей, имѣвшихъ каждая свой значокъ (байракъ); первой частью начальствовалъ Мулла-Зіяутдинъ—душа заговора. Всѣ участвовавшіе были снабжены «мисвяками» (палочками въ видѣ зубочистокъ), розданными ишаномъ какъ амулетъ, предохраняющій отъ смерти. Изъ Минь-тюбе путь ишана шелъ на кишлакъ Кутчи, гдѣ къ нему присоединилось еще 200 человекъ, на кишлаки Кара-Курганъ и Охчи; здѣсь ишаномъ былъ совершенъ намазъ, послѣ чего послѣдовали далѣе на Кулю; въ этомъ кишлакѣ волостной управитель согналъ народъ, а за Кулей къ ишану вышли навстрѣчу 150 человекъ андижанцевъ, высланныхъ бо-

признающимъ себя рабами Бога и послѣдователями пророка, объявить газавать. Во-первыхъ, для Бога и пророка, мы должны быть побѣдителями на священной войнѣ, и, во-вторыхъ, пожертвовать жизнью въ священной войнѣ. Мы, ниже приложившіе печати, давъ обѣщаніе Богу и пророку и имѣя среди себя коранъ, совершили договоръ съ халифомъ своимъ. Послѣ этого, если по наущенію шайтана изъ себялюбія или изъ опасенія за свою жизнь, мы, оробѣвъ, откажемся и не исполнимъ нашего обѣщанія, да будемъ мы достойны ада, да почеркнѣютъ въ обояхъ міраха наши лица, да будемъ въ день страшнаго суда посрамлены и опозорены. Въ удостовѣреніе чего приложили печати».

Собственно, вѣрнѣе, это не воззваніе, а клятвенное обѣщаніе, которое ишанъ, вѣроятно, взялъ, желая провондировать надежность своихъ послѣдователей; на судъ оно служило несомнѣнной уликой противъ подписавшихся.

гатымъ андижанскимъ купцомъ Алибай-бай-бачей. Далѣе шествіе направлялось черезъ Раватъ-Дарханъ, Сары, Куи, Найдыкъ, Кунчи-Каирму и Шамсутдинъ (или Дант-кишлакъ) къ Андижану. Передъ въѣздомъ въ Андижанъ ишанъ снова совершилъ намазъ на холмахъ городского предмѣстья и направился къ лагерю, гдѣ мирно, не ожидая готовящейся имъ ужасной опасности, спали русскіе солдаты.

Результатъ нападенія и дальнѣйшія событія извѣстны.

Такимъ образомъ, изъ изложеннаго можно видѣть, что андижанская рѣзня была лишь незначительнымъ проявленіемъ широко задуманнаго плана сверженія русскаго владычества въ Ферганѣ.

Свободолюбивое, какъ вообще всѣ народы, населяющіе горы и предгорья, население Ферганы попыталось лишній разъ напрячь свои силы, чтобы освободить себя отъ чего-то тяжелаго, что не укладывалось одновременно съ жизнью мусульманина.

Что же это за цѣли, которыя пытались сбросить съ себя жители Ферганы; явилось ли это какъ слѣдствіе фанатизма изувѣровъ, или же иныхъ причинъ?

Точно рѣшить эту задачу не представляется возможнымъ; можно лишь подвергнуть анализу обстановку, какъ предшествовавшую, такъ и сопровождавшую андижанскій эпизодъ.

Официальное слѣдствіе, произведенное съ цѣлью раскрытія истинной причины возстанія 1898 года, выяснило, что эта причина заключалась почти исключительно въ фанатизмъ мусульманъ, имѣющимъ въ своемъ основаніи религіозную нетерпимость къ своимъ повелителямъ—кыфирамъ; тлѣвшій въ населеніи фанатизмъ ждалъ лишь благоприятнаго случая, чтобы развиться въ пламя. Въ официальныхъ дѣлахъ посему андижанская рѣзня ставилась въ исключительную зависимость отъ появленія ишана, его всеобщей популярности, намекалось на участіе въ этомъ дѣлѣ турецкаго султана и афганскаго эмира, но далѣе этого не шло. Власти, выяснявшія причины этого прискорбнаго эпизода, по упущенію или же умышленно, совсѣмъ исключали возможность того, что недовольство вообще проявляется лишь тамъ, гдѣ для этого есть благоприятная почва.

Слѣдовало бы имѣть гражданское мужество выяснить, не было ли и въ этомъ случаѣ благоприятствующихъ катастрофѣ внутреннихъ обстоятельствъ.

Считаю необходимымъ добавить, что живущіе, или же жившіе болѣе или менѣе продолжительное время въ Средней Азіи русскіе врядъ ли ощущали на себѣ, безъ всякаго повода съ своей стороны, проявленіе фанатизма отъ туземныхъ жителей. Я не говорю о случаяхъ исключительныхъ; фанатики среди туземцевъ Средней Азіи есть, но случаи встрѣчъ съ ними настолько рѣдки и число ихъ такъ невелико, что подобные случаи разсматриваемы какъ обычное явленіе быть не могутъ.

Взглядъ на этотъ вопросъ нашей высшей административной власти получилъ свое объясненіе въ рапортѣ по этому дѣлу командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа на имя военнаго министра въ августѣ 1898 года.

Въ доказательство того, что единственной причиной возникновенія андижанской рѣзни являются фанатизмъ мусульманъ и побочныя причины, исходившія извнѣ нашихъ владѣній въ Туркестанѣ, приводилось слѣдующее: въ распоряженіи командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1898 года, имѣлись положительныя свѣдѣнія, что въ Среднюю Азію султаномъ было послано 8 офицеровъ генеральнаго штаба, вѣроятно, съ цѣлью вызвать броженіе туземнаго населенія на религіозной почвѣ въ какихъ-либо политическихъ цѣляхъ.

Офицеры эти найдены не были, а посылка ихъ подтверждена большому сомнѣнію.

Тамъ же, въ донесеніи командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа говорилось, что со стороны Афганистана, *надо думать* ¹⁾, также производилась агитація; предположеніе это базировалось главнымъ образомъ на донесеніи начальника памирскаго отряда о появленіи въ Ферганѣ трехъ таджиковъ, относительно которыхъ есть *основаніе предполагать* ¹⁾, что они явились въ качествѣ лазутчиковъ и прибыли въ Маргеланъ какъ разъ передъ самымъ нападеніемъ на Андижанъ.

Не трудно видѣть, что эти основанія очень шаткія для того, чтобы допустить въ этомъ дѣлѣ участіе Турціи и Афганистана. Кто эти таджики? Зачѣмъ они пріѣхали? Все это не выяснено.

Далѣе тамъ же, въ подтвержденіе вышеуказанныхъ предположеній, приводилось донесеніе начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла, въ февралѣ 1897 года, которое гласило, что въ январѣ того же года изъ Константинополя въ Хиву пріѣзжалъ вліятельный мусульманинъ Сеидъ - Селихъ - Эффенди, привезшій хивинскому хану священные финики и воду; посланецъ останавливался у дяди хана, часто посѣщалъ нашего вассала и получалъ отъ него значительныя подарки деньгами и вещами; при опросѣ въ Петро-Александровскѣ посланецъ предъявилъ паспортъ, выданный ему изъ Константинополя, и сообщилъ, что былъ въ Хивѣ по торговымъ дѣламъ, прожилъ тамъ 28 дней и товару имѣлъ на 800 рублей. Сообщить, какую сумму денегъ имѣетъ при себѣ, отказался, но заявилъ, что въ сундукѣ у него есть значительная сумма.

Кто онъ былъ, этотъ Сеидъ? Дѣйствительно ли посланецъ султана, или, быть можетъ, обыкновенный «хаджи», который, чтобы получить отъ хана подарки, привезъ ему финики и воду изъ колодца «язмзентъ»—обычныя приношенія хаджей? Правда или ложь

¹⁾ Курсивъ нашъ.

его показанія? Обо всемъ этомъ никакихъ положительныхъ данныхъ въ официальныхъ документахъ не имѣется.

Въ томъ же донесеніи туркестанскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками округа совершенно голословно говорилось, что имѣются будто бы и другія свѣдѣнія, что турецкіе эмиссары не только занимались сборомъ пожертвованій въ пользу халифа, но, по слухамъ, иногда занимались пропагандой идеи «газавата»; фактовъ, какъ доказательствъ, къ этому не приводилось.

Въ заключеніе дѣлался выводъ, что, несмотря на всѣ выгоды, которыя даетъ туземцамъ наше господство въ Средней Азіи, едва ли туземное населеніе въ состояніи помириться съ нашимъ владычествомъ и врядъ ли можно ожидать въ близкомъ будущемъ сліянія его въ чувствахъ преданности государю и государству съ остальнымъ народомъ русскимъ.

Заключеніе нѣсколько поспѣшное, не обоснованное и съ большой дозой личнаго предположенія.

Итакъ, казалось бы, что на основаніи сказаннаго мною выше, участіе въ андижанскомъ возстаніи эмиссаровъ мусульманскихъ государствъ можно считать не доказаннымъ, а религіозная нетерпимость мусульманъ къ русскимъ въ данномъ случаѣ являлась скорѣе всего средствомъ, но не цѣлью.

Сдѣлаемъ попытку освѣтить вопросъ о причинахъ андижанскаго и подобныхъ ему возстаній съ другой стороны.

Если внимательно разсмотримъ исторію отдѣльныхъ мусульманскихъ ханствъ и даже государствъ, то можно увидѣть, что всѣ перевороты, совершавшіеся въ области правленія, внѣшне не выражались въ проведеніи въ жизнь какой-либо глубокой идеи; въ мусульманскихъ владѣніяхъ не было революцій, а были только перевороты съ цѣлью, свергнувъ одного тирана, поставить надъ собой другого, болѣе худшаго. Отсутствіе глубокой идеи въ причинахъ историческихъ переворотовъ восточныхъ мусульманскихъ ханствъ объясняется сравнительно низкимъ уровнемъ культуры мусульманскаго народа, его забитостью и своеобразнымъ духовнымъ міромъ, и въ то время, когда въ цивилизованныхъ европейскихъ государствахъ совершались революціи во имя идей равенства, свободы, братства и др., у мусульманъ, при выраженіяхъ протеста, неизмѣнно фигурировало зеленое знамя пророка, покрывавшее собою всѣ истинныя причины событій. Такимъ образомъ фанатизмъ являлся лишь маской, такъ какъ другой великой, побуждающей къ протесту, силы, кромѣ религіи, въ народѣ не было. Слѣдовательно, фанатизмъ былъ побочной причиной, за которой слѣдовало искать другихъ — истинныхъ причинъ недовольства мусульманъ.

На допросахъ своихъ ишанъ показывалъ, что его постоянно беспокоила сильная порча нравовъ въ народѣ, которая, насколько

можно было понять, выразилась въ развратѣ, пьянствѣ, азартныхъ играхъ, въ ослабленіи семейныхъ началъ и въ разнообразныхъ отступленіяхъ отъ требованій и законовъ шаріата. Замѣчая все это, ишанъ описывалъ подробно положеніе дѣлъ въ Ферганѣ турецкому султану и, скорбя душой, будто бы просилъ его заступничества предъ нашимъ императоромъ о принятіи мѣръ къ восстановленію жизни по шаріату, опасаясь, чтобы уклоненіе отъ сего «не вызвало гнѣва Божія на русскія власти».

Завоевавъ Туркестанъ, русскіе встрѣтили малознакомый имъ міръ — міръ мусульманскій; необходимъ былъ опытный государственный умъ, который далъ бы сразу надлежащее направленіе будущему управленію новымъ краемъ, — управленію строго согласованному съ бытомъ религіей и вѣрованіемъ вновь — покореннаго народа. Генералъ-адъютантъ Кауфманъ, первый туркестанскій генералъ-губернаторъ, сознавалъ вполне важность подобнаго вопроса и слѣдствіемъ сего явилось положеніе объ управленіи краемъ, введенное въ 1867 году; наименовавъ управленіе края «военно-народнымъ», генералъ Кауфманъ видѣлъ, что русскимъ нѣтъ никакой надобности ломать вѣковые обычаи въ жизни и управленіи мусульманскаго народа, а потому, сохранивъ за русской администраціей лишь высшій контроль по наблюденію въ краѣ русскихъ интересовъ, частности предоставилъ самимъ туземцамъ. Хотя въ его управленіи были тѣ же уѣздные начальники, что и нынѣ, но дѣятельность ихъ опиралась на болѣе прочные устои, чѣмъ теперь; она (т. е. дѣятельность) находила полезную помощь въ административныхъ лицахъ, выбранныхъ изъ надежныхъ туземцевъ, съ хорошими окладами содержанія и съ сохраненіемъ управленія вполне по упрочившемуся вѣками шаріату. Положеніе объ управленіи краемъ генерала Кауфмана, умершаго въ 1882 году, замѣнено было новымъ, и съ этого времени замѣчается полный упадокъ существовавшаго доселѣ порядка; новое положеніе радикально измѣнило существовавшее доселѣ, введя участковыхъ приставовъ, помощниковъ уѣздныхъ начальниковъ — русскихъ офицеровъ, лишь съ переводчиками при управленіяхъ изъ туземцевъ¹⁾, — это положеніе совершенно изъяло изъ участія въ управленіи туземный элементъ, передавъ это дѣло исключительно въ русскія руки²⁾, а самый общій строй управленія народомъ не отвѣчалъ представленію мусульманъ о власти, которая должна была, по ихъ понятіямъ, совмѣщаться въ одномъ лицѣ, во всѣхъ отношеніяхъ.

При выработкѣ этого положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ русскими властями ошибочно была принята за руководящее

¹⁾ Къ тому же отрицательной нравственности.

²⁾ Вѣриѣ, въ руки переводчиковъ — лицъ большей частью сомнительной нравственности.

основаніе мысль, что шаріатъ въ жизни мусульманъ, которая до мелочей регламентирована этимъ шаріатомъ, является силой, съ которой надобно было бороться. Къ этому присоединилась другая неправильная мысль: въ цѣляхъ наиболѣе быстрого обрусѣнія края, бороться съ мусульманиномъ на почвѣ религіи и принять всѣ усилія къ обращенію мусульманъ въ православіе. Послѣднее признавалось единственнымъ средствомъ къ сліянію побѣжденныхъ съ побѣдителями. Если бы съ самаго начала вопросъ былъ поставленъ правильно: кто лучше для насъ—истинный ли преданный намъ мусульманинъ, или же мусульманинъ оцивилизовавшійся, мусульманинъ-ренегатъ, то этимъ, быть можетъ, были бы устранены всѣ дальнѣйшія столкновенія мусульманъ съ нашей административной властью въ краѣ. Быть можетъ, генераль Кауфманъ былъ правъ, выставляя себя врагомъ того, чтобы туземцы Туркестана принимали православіе.

Въ опроверженіе моихъ словъ могутъ возразить, что мусульманство, имѣя въ своемъ корнѣ ученіе борьбы съ невѣрными, являлось для насъ элементомъ крайне вреднымъ, съ которымъ необходимо было бороться, ограничивать его распространеніе и стремиться къ постепенному сліянію мусульманства съ русской народностью при посредствѣ именно религіи. Въ опроверженіе этого можно представить то, что у насъ въ арміи до настоящаго времени состоятъ на службѣ офицеры-мусульмане, слѣдовательно, по своей религіи, обязаны войной съ невѣрными, т. е. съ русскими, въ рядахъ которыхъ они служатъ; между тѣмъ никому въ голову не придетъ заподозрѣть ихъ въ какой-либо ненадежности, исповѣдываніе же ими мусульманства можетъ послужить только лучшимъ доказательствомъ того, что на этихъ людей можно вполне положиться, такъ какъ кто измѣняетъ религіи, для того ничего нѣтъ болѣе, чему бы онъ не измѣнилъ.

Наконецъ, чѣмъ объяснить заявленіе генераль-адъютанта Кауфмана въ проектѣ своего всеподданнѣйшаго отчета, что населеніе средне-азіатскихъ ханствъ приходится сдерживать отъ слишкомъ сильнаго тяготѣнія къ намъ? Чѣмъ объяснить донесеніе нашего императорскаго консула въ Кашгарѣ, что тамошніе мусульмане удивляются безумію жителей Ферганы, возставшихъ противъ власти, давшей имъ спокойствіе и благосостояніе? Чѣмъ наконецъ объяснить свидѣтельства о тяготѣнии къ намъ афганскаго Туркестана и Бадахшана? Развѣ это не тѣ же мусульмане, знающіе, что они симпатизируютъ невѣрнымъ-кяфирамъ вопреки своей религіи, повелѣвающей нещадно избивать невѣрныхъ для распространенія ислама. Нѣтъ? Корень недоразумѣній лежитъ глубже и ограничиваться, при изысканіи причинъ къ обоюднымъ недоразумѣніямъ, поверхностнымъ-фанатизмомъ, это значитъ никогда не узнать истинныхъ причинъ и не устранить ихъ, а въ будущемъ предоставить

законную почву для повторенія эпизодовъ, подобныхъ андижанской катастрофѣ. Наконецъ, самое сліяніе вновь завоеванныхъ мусульманскихъ областей съ русскими могло быть совершено, но для этого потребны были не десятилѣтія, а болѣе продолжительный срокъ, и исторія доказываетъ, насколько гибельны бываютъ стремленія людей произвести въ кратчайшій срокъ коренныя реформы тамъ, гдѣ принятый образъ правленія образовывался вѣками.

Я не считаю себя лицомъ компетентнымъ въ такихъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, какъ выработка наиболѣе цѣлесообразнаго управленія Туркестанскимъ краемъ; я только задаюсь мыслью, дѣйствительно ли одинъ фанатизмъ мусульманъ былъ причиною во всѣхъ туркестанскихъ неурядицахъ, или же здѣсь крылись причины, исходяція непосредственно отъ насъ.

Ставъ при оцѣнкѣ андижанскаго событія на нѣсколько иную точку зрѣнія, можно допустить, что наша администрація, которая одна почти понесла всѣ укоры за происшедшее, если и виновата въ чемъ-либо, то наименѣе всего въ томъ, что не предупредила андижанской катастрофы.

За происшедшее понесъ суровую кару бывший въ то время ферганскимъ губернаторомъ генералъ Повало-Швейковский.

Высшая административная власть въ краѣ, обозрѣвая дѣятельность губернатора въ излагаемомъ событіи, именно поставила ему въ вину, что генераломъ не была своевременно замѣчена и предупреждена подготовка возстанія, занявшая, повидимому, предвѣрительно много времени.

Кажется, что если этотъ упрекъ и справедливъ, то не только по отношенію къ одному генералу Повало-Швейковскому. Въ докладѣ по сему генералъ Повало-Швейковский выставлялся: совершенно незнакомымъ съ мусульманствомъ, по невыдержанному своему характеру не подходящимъ для трудной роли губернатора и др. Оказалось, что пятилѣтняя дѣятельность Повало-Швейковского съ его безтактными отношеніями къ главнымъ сотрудникамъ, особенно къ уѣзднымъ начальникамъ, *намыренно и явно* ¹⁾ передъ населеніемъ дискредитированнымъ въ ихъ власти, постепенно растворяла двери движенію мусульманскихъ народовъ. Въ заключеніе даже ходатайствовалось объ объявленіи Повало-Швейковскому, уже уволенному отъ службы, высочайшаго выговора въ приказѣ по военному вѣдомству. Идя ниже, строго разбирались дѣйствія въ данномъ событіи уѣздныхъ начальниковъ и одного изъ нихъ, въ наказаніе, предлагали даже перевести въ строй на соотвѣтствующую его чину должность. Вотъ до чего доходило увлеченіе въ желаніи возможно точнѣе опредѣлить причины происшедшей катастрофы. Между тѣмъ несомнѣнно было дознано, что предупрежде-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

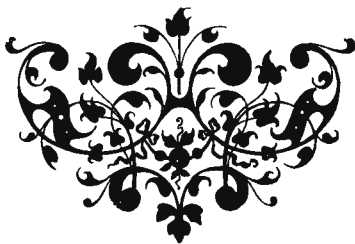
нія о готовящемся возстаніи администрація не получала по причинѣ строгой тайны, въ которой держались всѣ приготовленія; эти предупрежденія были получены лишь наканунѣ 17 мая; если бы не нѣкоторыя несчастныя обстоятельства, о которыхъ упоминать я здѣсь не буду, можно было бы, несмотря и на такое позднее предупрежденіе, предотвратить катастрофу. Во всякомъ случаѣ, благодаря распорядительности уѣзднаго начальника, не состоялось нападеніе на Ошъ. Кромѣ того, необходимо принять во вниманіе, что броженія туземнаго элемента и его ненадежность были не новостью, и слухи, сопровождаемые донесеніями, получались часто, но почти всегда эти слухи оставались лишь слухами; точно также и въ этомъ случаѣ никто не предполагалъ, чтобы этотъ мимѣ перешелъ въ дѣйствительность.

Нельзя сильно винить нашу администрацію, имѣвшую въ своемъ распоряженіи массу обязанностей и ничтожныя средствъ, мало знакомую съ бытомъ и внутреннимъ міромъ туземнаго населенія.

Но тогда почему же не назначить въ составъ администраціи людей знающихъ, опытныхъ?

Трудно добыть то, чего нѣтъ! Нѣтъ у насъ людей, знающихъ хорошо духовный міръ мусульманина; мало администраторовъ, пригодныхъ для совершенно (увы!) невѣдомаго намъ Туркестана.

С. Т—овъ.



душъ. Но и въ этомъ отношеніи необходимо предварительное изученіе края и земельное устройство его коренного населенія.

Къ десятилѣтію андижанской рѣзни.

(1898—1908 г.)

Десятилѣтіе андижанскаго возстанія ознаменовалось появленіемъ на страницахъ *Историческаго Вѣстника**) (1908. Май) весьма интересной статьи С. Т—ова «Андижанское возстаніе и его причины». Подъ псевдонимомъ легко узнать виднаго туркестанскаго дѣятеля, знающаго Фергану не по наслышкѣ, и потому статья заслуживаетъ еще большаго вниманія.

Въ началѣ своей статьи почтенный авторъ отводитъ мѣсто изложенію фактической стороны событія, извѣстнаго подъ именемъ андижанскаго возстанія 18 мая 1898 года, и возстановливаетъ еще многими памятными подробностями «газавата», объявленнаго Минь тюбинскимъ ишаномъ Мадали.

Охарактеризовавъ личность Мадали и выяснивъ его значеніе въ глазахъ простаго народа, авторъ приводитъ и переводъ текста воззванія, съ которымъ ишанъ обратился къ народу. Воззваніе это имѣло значеніе клятвеннаго обѣщанія помогать дѣлу, начатому ишаномъ, и весьма характерно по своему изложенію.

Описанія возстанія авторъ заканчиваетъ словами: «такимъ образомъ, изъ изложеннаго можно видѣть, что андижанская рѣзня была лишь незначительнымъ проявленіемъ широко задуманнаго плана сверженія русскаго владычества въ Ферганѣ».

«Свободолюбивое, какъ вообще всѣ народы, населяющіе горы и предгорья, населеніе Ферганы попыталось лишній разъ напрячь свои силы, чтобы освободить себя отъ чего то тяжелаго, что не укладывалось одновременно съ жизнью мусульманина».

«Что-же это за дѣли, которыя пытались сбросить съ себя жители Ферганы; явилось-ли это, какъ слѣдствіе фанатизма изувѣровъ, или же иныхъ причинъ?»

Разсматривая далѣе официальные документы по разслѣдованію описываемаго

событія, авторъ находитъ, что общій выводъ, «что несмотря на всѣ выгоды, которыя даетъ туземцамъ наше господство въ Средней Азіи, едва-ли туземное населеніе въ состояніи помириться съ нашимъ владычествомъ и врядъ ли можно ожидать въ близкомъ будущемъ слияніе его въ чувствахъ преданности Государю и государству съ остальнымъ народомъ русскимъ, что общій выводъ этотъ слѣдуетъ признать заключеніемъ нѣсколько поспѣшнымъ, не обоснованнымъ».

Оговорившись, что точное выясненіе внутреннихъ и истинныхъ причинъ возстанія—дѣло не легкое, авторъ пытается сдѣлать въ этомъ направленіи хотя то, что возможно.

Фанатизмъ авторъ считаетъ «скорѣе всего средствомъ, а не цѣлью; фанатизмъ былъ побочной причиной, за которой слѣдовало искать другихъ—истинныхъ причинъ недовольства мусульманъ».

«На допросахъ своихъ ишанъ показывалъ, что его постоянно беспокоила сильная порча нравовъ въ народѣ, которая, насколько можно было понять, выразилась въ развратѣ, пьянствѣ, азартныхъ играхъ, въ ослабленіи семейныхъ началъ и въ разнообразныхъ отступленіяхъ отъ требованій и законовъ шаріата. Замѣчая все это, ишанъ описывалъ подробно положеніе дѣлъ въ Ферганѣ турецкому султану и, скорбя душой, будто-бы, просилъ его вступничества передъ нашимъ Императоромъ о принятіи мѣръ къ возстановленію жизни по шаріату, опасаясь, чтобы уклоненіе отъ сего «не вызвало гнѣва Божія на русскія власти».

Вотъ изъ устъ руководителя возстанія въ такой формѣ мы слышимъ протестъ противъ нежелательныхъ перемѣнъ, внесенныхъ въ край русскими. Это обвиненіе не разъ приходилось выслушивать отъ

*) *Историческій Вѣстникъ* 1908 г. май стр. 659—670.

знакомыхъ туземцевъ всякому русскому, долго живущему въ краѣ. «Вы дали намъ пьянство, узаконили существованіе домовъ терпимости, ослабили въ народѣ страхъ передъ «преступленіемъ», говорятъ наши обвинители.

Нельзя поэтому не согласиться съ авторомъ разбираемой статьи, цитирующимъ показанія ишана Мадали, что ослабленіе въ краѣ нравственности, или, вѣрнѣе, порядка и благопристойности, въ рукахъ ишана Мадали явилось могучимъ средствомъ и значительнымъ поводомъ для борьбы противъ русскаго владычества.

Самъ съ дѣтства строгій исполнитель всѣхъ требованій шаріата, ишанъ Мадали прибавилъ къ своей святости и чудеса, о которыхъ почему-то совершенно не упоминаетъ С. Т—овъ въ своей статьѣ, и хорошо воспользовался для своего дѣла общимъ недовольствомъ нашихъ мусульманъ, наблюдающихъ растленіе нравовъ, порчу нравственности.

Тлетворное, крайне нежелательное, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежное вліяніе культурной націи на менѣе устойчивые элементы некультурной націи въ дурную сторону несомнѣнно составляетъ весьма серьезную причину недовольства туземцевъ новыми порядками, вошедшими въ ихъ жизнь съ присоединеніемъ края къ Россіи, а, между прочимъ, на эту сторону нашего вліянія на мѣстное населеніе обращалось въ общемъ мало вниманія.

Безусловная трезвость и отсутствіе легализованной проституціи—это два самыхъ твердыхъ устоя жизни по шаріату.

Мусульмане больше всего цѣнятъ эти устои, какъ залогъ здоровья націи и средство противъ ея вырожденія.

Между тѣмъ, именно по поводу этихъ сторонъ общественной жизни у насъ, русскихъ, не составилось еще одного непоколебимаго взгляда, сводящагося къ поддержкѣ устоевъ шаріата, полезныхъ не только мусульманамъ, а и нашему православному народонаселенію края. Трезвость и воздержаніе—основныя требованія шаріата, освященные вѣковымъ обычаемъ.

Возвратимся однако, къ интересной статьѣ С. Т—ова.

«Завоевавъ Туркестанъ, русскіе встрѣтили малознакомый имъ міръ—міръ мусульманскій; необходимъ былъ опытный государственный умъ, который далъ бы сразу надлежащее направленіе будущему управленію новымъ краемъ, управленію, строго согласованному съ бытомъ, религіей и вѣрованіемъ вновь покореннаго народа. Генералъ-адъютантъ Кауфманъ, первый туркестанскій генералъ-губернаторъ, сознавалъ вполне важность подобнаго вопроса и слѣдствіемъ сего явилось положеніе объ управленіи краемъ, введенное въ 1867 году; наименовавъ управленіе края «военно народнымъ», генералъ Кауфманъ видѣлъ, что русскимъ нѣтъ никакой надобности ломать вѣковые обычаи въ жизни и управленіи мусульманскаго народа, а потому, сохранивъ за русской администраціей лишь высшій контроль по наблюденію въ краѣ русскіхъ интересовъ, частности предоставилъ самимъ туземцамъ. Хотя въ его управленіи были тѣ же уѣздные начальники, что и нынѣ, но дѣятельность ихъ опиралась на болѣе прочные устои, чѣмъ теперь; она (то есть дѣятельность) находила полезную помощь въ административныхъ лицахъ, выбранныхъ изъ надежныхъ туземцевъ, съ хорошими окладами содержанія и съ сохраненіемъ управленія вполне по упрочившемуся вѣкамъ шаріату».

Оцѣнивъ такъ «положеніе 1867 года», С. Т—овъ рѣзко критикуетъ послѣдовавшее затѣмъ положеніе 1886 года и находитъ, что этотъ новый законъ «изъялъ изъ участія въ управленіи туземный элементъ, передавъ это дѣло исключительно въ русскія руки».

Нельзя согласиться съ такимъ заключеніемъ автора, потому что положеніе 1886 года частности управленія народомъ вполне предоставляетъ выборнымъ властнымъ управителямъ, старшинамъ, арыкъ аксакаламъ, мирабамъ и т. п. должностнымъ лицамъ и, по прежнему, только высшій контроль остается въ рукахъ русскихъ.

Но совершенно правильно упоминаетъ

авторъ, что по положенію 1886 года высшій контроль надъ туземною жизнью перешелъ въ руки участковыхъ приставовъ—русскихъ офицеровъ, лишь съ переводчиками при управленіи изъ туземцевъ.

Это замѣчаніе совершенно вѣрно и нельзя не пожалѣть, что въ составѣ русской администраціи мы встрѣчаемъ такъ мало лицъ, могущихъ обойтись безъ переводчика въ сношеніяхъ съ подвѣдомственнымъ имъ народомъ. Помимо удобствъ въ объясненіяхъ, только возможность непосредственнаго общенія туземцевъ съ управляющими ими начальниками можетъ установить между сторонами взаимное уваженіе и довѣріе. Посредство переводчиковъ сильно осложняетъ взаимныя отношенія.

Далѣе авторъ указываетъ, что русскія власти съ 1886 года принялись бороться съ шаріатомъ и даже приняли мѣры къ обрусѣнію туземцевъ путемъ обращенія мусульманъ въ православіе.

Не отрицая нѣкоторой тенденціи къ борьбѣ съ шаріатомъ, которую можно усмотрѣть, напримѣръ, въ отношеніи къ народному суду по противу шаріатнымъ проступкамъ, не наказуемымъ по русскому закону, нельзя признать справедливости укора автора властямъ за якобы миссіонерскія поползновенія.

Обращенію въ православіе мусульманъ никто изъ служащихъ въ Туркестанѣ никогда не придавалъ серьезнаго значенія, да и можно-ли было придавать какое либо значеніе тѣмъ единичнымъ случаямъ, которыхъ и десятка нельзя насчитать на протяженіи послѣдней четверти вѣка въ жизни русскаго Туркестана.

Дѣйствительно были случаи, что мусульмане сами обращались къ русскимъ съ просьбою помочь имъ перемѣнить религію, но въ большинствѣ случаевъ это были люди безъ всякаго положенія въ мусульманскомъ обществѣ, даже иногда душевно-больные. Такой субъектъ, не находя себѣ пристанища среди единовѣрцевъ, самъ шелъ къ русскимъ въ надеждѣ, что перемѣна религіи обезпечитъ

ему возможность безпечальнаго житія среди новыхъ единовѣрцевъ. Были случаи, что и крестили такихъ неофитовъ, но дать имъ того, что имъ хотѣлось, переходъ въ православіе не могъ, не могли мы принять на полное содержаніе профессиональнаго лѣнтя-ренегата и потому надежды крестившагося не осуществлялись.

Гдѣ теперь эти немногіе новокрещенные, твердо-ли они держатъ безсознательно принятую вѣру, или отпали—Богъ вѣсть, да я думаю это въ сущности и все равно, потому-что не дороги для правосла-

вія такіе безсознательные исповѣдники. Я хочу только сказать, что ошибается С. Т—овъ, не принимали мы мѣръ къ обращенію мусульманъ въ православіе, а если нѣкоторые изъ туземцевъ и измѣняли Исламу, то не по винѣ мѣстной администраціи.

Переходя далѣе къ выясненію причинъ андижанскаго возстанія, авторъ говоритъ, между прочимъ: «нельзя сильно винить нашу администрацію, имѣвшую въ своемъ распоряженіи массу обязанностей и ничтожныя средства, мало знакомую съ бытомъ и внутреннимъ міромъ туземнаго населенія.

«Но тогда почему-же не назначить въ составъ администраціи людей знающихъ, опытныхъ?»

«Трудно добыть то, чего нѣтъ! Нѣтъ у насъ людей, знающихъ хорошо духовный міръ мусульманина, мало администраторовъ, пригодныхъ для совершенно (увы!) невѣдомаго намъ Туркестана».

Этими печальными словами авторъ и заканчиваетъ свое описаніе десяти лѣтъ тому назадъ случившагося прискорбнаго явленія, но сказать, чтобы изъ статьи С. Т—ова ярко выступили и причины возстанія—нельзя. Авторъ, впрочемъ, и самъ неоднократно оговаривается въ текстѣ, что точно указать причину возстанія онъ не можетъ.

А надо-бы указать, прошло уже 10 лѣтъ со времени событія, Туркестанскій край съ тѣхъ поръ немало пережилъ и нынѣ готовится, въ качествѣ вполне ва-

миренной окраины, перейти въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ т. е. совершенно утратить всю «военно-народность» своего управленія и сдѣлаться рядовой губерніей нашего обширнаго отечества.

С. Т—овъ, въ общемъ отрицая доминирующее значеніе мусульманскаго фанатизма для движенія, созданнаго ишаномъ Мадали въ 1898 году, признаетъ значеніе упадка нравственности въ населеніи и непригодность личнаго состава администраціи. Вотъ двѣ причины возстанія, вытекающія изъ содержанія статьи С. Т—ова.

Такъ какъ причины возстанія тѣсно связаны съ дефектами нашего управленія краемъ, то позволимъ себѣ вкратцѣ дополнить изложеніе автора тѣми причинами, которыя, по нашему мнѣнію, вызвали прискорбное явленіе и продолжаютъ неблагопріятно вліять на установленіе въ край между русскими и туземцами добрыхъ сосѣдскихъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ довѣріи.

Огрицать мусульманскій религіозный фанатизмъ нельзя. Чувство недовольства иновѣрнымъ правительствомъ, или, лучше сказать, недовольство подчиненнымъ такому правительству положеніемъ всегда жило и будетъ жить въ народномъ сознаніи уже потому, что Исламъ, трактуя объ отношеніяхъ между мусульманами побѣдителями и побѣжденными иновѣрцами (зимми), ни однимъ словомъ не говоритъ о томъ, какъ побѣжденные мусульмане должны относиться къ побѣдителямъ иновѣрцамъ. Этого вовсе не предполагалось и потому такія отношенія не регламентированы.

При такихъ условіяхъ ожидать любви и преданности было-бы наивно, а потому необходимо наши взаимныя отношенія строить только на взаимной выгодѣ, а выгоду отъ сношеній съ русскими хорошо сознаетъ наиболѣе зажиточная и просвѣщенная часть мусульманскаго общества.

Необходимо разъ на всегда установить для общей работы въ край невыбле-

мые руководящія взгляды, которые отнюдь не измѣнялись бы въ зависимости отъ перемѣнъ въ личномъ составѣ высшихъ въ край начальниковъ. Этому до настоящаго времени не замѣчалось и взглядъ, напимѣръ, на такой серьезный вопросъ, какъ примѣненіе выборнаго начала для комплектованія низшихъ должностныхъ лицъ туземной администраціи, уже неоднократно измѣнялся среди русскихъ администраторовъ.

Если обрусеніе, хотя-бы нѣсколько насильственное, поставлено будетъ цѣлью нашей здѣсь политики, тогда всѣмъ и нужно дѣйствовать солидарно, въ одномъ и томъ-же направленіи прилагая усилія.

Если же восторжествуетъ взглядъ, высказанный почтеннымъ авторомъ разбираемой статьи, что въ нашихъ интересахъ поддержать укладъ жизни туземцевъ, сложившійся вѣками подъ вліяніемъ шаріата, и дать ему естественнымъ образомъ переживать эволюцію перехода къ другому строю, то опять-таки повсемѣстно уже надо держаться однихъ и тѣхъ-же пріемовъ, направленныхъ къ общей цѣли.

Въ наше-же время не рѣдки случаи, что «всякъ молодецъ, на свой образецъ» дѣйствуетъ и вокругъ себя создаетъ атмосферу политики, зависящей отъ личныхъ взглядовъ. Такъ дѣлать нельзя, потому что населеніе инертно и приспособляться къ разнымъ предъявляемымъ ему требованіямъ не можетъ; перемѣны такой мѣстной политики болѣзненно переживаютъ туземцы съ пріѣздомъ новаго участковаго пристава, или уѣзднаго начальника.

Въ виду того, что, какъ мы сказали выше, съ фанатизмомъ туземцевъ надо считаться, необходимо имѣть въ край приспособленную къ дѣлу администрацію и притомъ постараться поставить ее поближе къ управляемому народу.

Администрація должна быть русская, непремѣнно русская, въ должностяхъ, начиная съ полицейскаго пристава, но личный составъ долженъ быть тщательно подобранъ и хорошо обставленъ.

Тщательно подобрать состав администраціи при настоящихъ условіяхъ жизни можно только значительно увеличивъ содержаніе, но за то повысивъ и требованія, предъявляемыя къ тѣмъ лицамъ, которыя пожелаютъ занять административныя должности.

Человѣкъ, идущій на эту службу, долженъ посвятить себя дѣлу всецѣло, долженъ быть достаточно подготовленъ теоретически, знать хорошо туземный языкъ и обладать соотвѣтствующимъ характеромъ и тактомъ, будучи свободенъ отъ человѣческихъ слабостей вродѣ алкогolia, пристрастія къ картамъ и т. п.

Искать такого человѣка необходимо, потому-что безъ перечисленныхъ качествъ человѣкъ не въ состояніи нести въ край отвѣтственной и трудной службы по администраціи. Для картъ и выпивки, на примѣръ, у добросовѣстнаго служащаго положительно нѣтъ времени, если онъ не урветъ его отъ служебныхъ занятій, которыя не кончаются круглыя сутки.

Всякое отступленіе отъ выше приведеннаго типа служащаго есть уже минусъ, это отступленіе наноситъ серьезный ущербъ важному дѣлу.

С. Т—овъ говоритъ въ своей статьѣ, что трудно найти такихъ людей; совершенно вѣрно, но это зависитъ только отъ того, что современное вознагражденіе служащихъ въ администраціи, при дороговизнѣ жизни, мало разнится, на примѣръ, отъ вознагражденія строевыхъ офицеровъ, а потому въ администрацію переходятъ немногіе и выборъ подходящихъ лицъ, съ предъявленіемъ къ ищущимъ административной службы лицамъ строгихъ требованій, становится невыполнимымъ.

Раньше, когда вознагражденіе строевыхъ офицеровъ значительно уступало содержанію административныхъ служащихъ, на должность участковаго пристава легко было подыскать артиллерійскаго капитана, отлично рекомендованнаго, кончившаго курсъ военнаго училища и настолько развитого, что онъ безъ труда могъ очень быстро освоиться съ новыми для него условіями административной

службы; изъ этого контингента комплектовались затѣмъ дѣльные уѣздные начальники, интересовавшіеся дѣломъ и не щадившіе силъ для добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей.

Когда въ войскахъ стали постепенно увеличивать оклады содержанія офицерамъ, а наши административные оклады все оставались въ прежнемъ размѣрѣ, тогда, конечно, уменьшилось число желающихъ служить въ администраціи и на эту службу пошли люди съ меньшимъ образовательнымъ цензомъ, менѣе пригодные къ новому дѣлу. Особенно это можно прослѣдить за послѣдніе 10 лѣтъ, съ того времени, какъ значительно увеличилось число должностей участковыхъ приставовъ и замедлилось движеніе по службѣ, такъ какъ число уѣздовъ не увеличилось.

Выходитъ, что теперь содержаніе администраціи даютъ небольшое по сравненію съ строевыми офицерами и надо прибавить содержаніе и тогда тщательно подбирать составъ администраціи.

Раіоны, находящіеся въ завѣдываніи участковыхъ приставовъ, надо уменьшить до 3 волостей въ участкѣ, какъ я неоднократно объ этомъ писалъ раньше и поставить участковаго пристава близко къ населенію, устранивъ передаточную инстанцію въ лицѣ волостного управителя, предоставивъ приставу небольшого участка въ 3 волости лично распоряжаться черезъ близкихъ народу сельскихъ старшинъ и вслѣдствіе этого коротко знакомиться съ жизнью населенія небольшого участка.

Тщательно выбравъ человѣка для службы въ администраціи, безъ всякихъ протекцій и рекомендацій знакомыхъ, необходимо предъявлять самыя строгія требованія, но за то облечь и довѣріемъ служащаго, не дискредитируя его передъ населеніемъ, поддерживая за нимъ то значеніе, какое необходимо ему для того, чтобы населеніе его слушалось и вѣрило ему.

Каждый администраторъ желательнаго типа долженъ быть подвиженъ, долженъ имѣть полную возможность почаще объ-

взять свой район и, где только можно, отправлять все свои функции на место.

Современный администратор от губернатора и до участкового пристава лишён этой подвижности из-за канцелярии. Современного уездного начальника скорее можно назвать «регистратором», чьём администратором, такое важное значение в его службе играет канцелярия, так много дорогого времени он должен посвящать разбору бумаг и писанию собственноручно более серьёзных донесений и объяснений.

Ещё в худшем положении находится участковый пристав, у которого нет даже штатного письмоводителя, которому можно было бы поручить исполнение и в отсутствие пристава текущей переписки. Уехал пристав в участок, дома копится бумажная гора, которую приходится спешно разрывать по возвращении. Можно ли при таких условиях обвинять приставов, которые как былинные «сидни» не оставляют кресла в своей канцелярии и вывозят в участок только «на мертвые тела».

Необходимо принять самые энергичные меры к сокращению переписки, дать приставам штатных, ответственных письмоводителей и потребовать от каждого администратора службы в движении, а не на месте.

Много лет подряд я настойчиво провожу мысль о необходимости описания участков, уездов и областей во всех отношениях, по самой подробной программе. Дело это настолько важно, что, казалось бы, по нему не может быть двух равных мнений, но все мои доводы не могут убедить власть имущих, и районы, быть туземцев остаются не исследованными, а вновь занимающие административные должности лица всегда начинают с начала ознакомление с своим участком с тем, чтобы, уходя с одной должности на другую, не передать своему заместителю ровно никаких сведений об участке и предоставить новичку проделывать снова всю работу по

изучению участка и унести, в свою очередь, массу сведений, запечатлевшихся только в памяти изучавшего.

Равно можно спорить против необходимости текущего дельного описания участков, когда законом требуется в России описание станов от становых приставов. Здесь ведь не родное нам сравнительно однообразное население губерний внутренней России, здесь, как выражается С. Т—овъ «(увы!) невѣдомый намъ Туркестанъ».

Изучение края во всех отношениях составляет необходимость, а не роскошь, изучение бытовых условий жизни туземного населения составляет первейшую

обязанность всего личного состава русской администрации в крае, а много ли сделано в этом направлении, достаточно ли сделано.

При генерале Духовском начали было издавать сборники материалов по мусульманству, но так как на это дело не нашлось необходимых средств, то, перепечатав несколько даровых работ, прекратили издание, а между тем нельзя отрицать, что особый орган для помещения всевозможных материалов по изучению края мог бы сослужить краю серьёзную службу, объединив на своих столбах все работы по туркестановедению.

Отчасти цели этой служат *Туркестанскія Вѣдомости* и служат добросовестно, но ведь это газета, которой всё коротко, как у бабочки. Нельзя поэтому ограничиваться газетой, нужна книга, где сосредоточивались бы все сведения о крае, добытые местными деятелями, и где все эти сведения мог бы найти всякий, желающий, например, перед вступлением в ряды администрации ознакомиться с тем, что ранее его бывшие наблюдали и изучали.

Ничего этого у нас нет, нет даже периодических съездов административных служащих, где могли бы люди сообща обсудить подробности своего дела, сговориться по многим, возникающим у каждого, сомнениям. Ничего вы

шепоименованнаго въ нашемъ распоряженіи нѣтъ и право трудно даже желающему ознакомиться со всѣми матеріалами по изученію края, разбросанными въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Я самъ, со времени перехода на службу въ администрацію, принялъ за правило по возможности каждое свое наблюдение печатать въ одной изъ мѣстныхъ газетъ и за 20 лѣтъ службы въ администраціи у меня накопилось 11 объемистыхъ томовъ газетныхъ вырѣзокъ исключительно моихъ собственныхъ работъ. Однако, какую пользу можетъ принести другому мое собраніе, свято хранимое, какъ всякая книга, и которымъ только я и могу пользоваться! А всѣ статьи, въ разное время напечатанныя въ газетахъ и сборникахъ, теперь найти почти невозможно, да и какъ ихъ искать?

Со времени назначенія на должность уѣзднаго начальника, я такъ-же старательно собираю изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій печатныя извѣстія, касающіяся Ходженскаго уѣзда, но положительно лишена всякой возможности хоть сколько-нибудь обработать собираемый сырой матеріалъ. И времени на эту работу не выберешь, да и напечатать потомъ негдѣ годовой обзоръ жизни мало кому интереснаго уѣзда, для этого нуженъ особый спеціальныи органъ.

Конечно, и всѣ вышеприведенные дефекты приѣмовъ нашего управленія краемъ не исчерпываютъ всего того, что желательно было бы измѣнить къ лучшему. Все это вѣроятно *lege artis* подмѣтитъ и заишетъ предстоящая сенаторская ревизія, а теперь, въ значительной мѣрѣ высказавшись о желательныхъ перемѣнахъ, приходится все-таки возвратиться къ недосказанному, на нашъ взглядъ, С. Т—овымъ по поводу причинъ андижанскаго возстанія 1898 года.

На первомъ планѣ въ ряду причинъ прискорбнаго событія я поставилъ бы полное невѣжество туземнаго населенія и особенную дикость киргизскаго населенія Ферганы, гораздо менѣе культурнаго, чѣмъ долинные сарты и болѣе склоннаго къ

грабежамъ и разбоямъ.

Это населеніе, по своей дикости, представляетъ наиболѣе горючій матеріалъ для религіозной и всякой другой агитаціи. Только на такую малокультурную массу могъ такъ удачно воздѣйствовать Минь-тюбинскій ишанъ Мадали, только этихъ людей онъ могъ обмануть своими лже чудесами, вродѣ варенія плова безъ огня, или угадыванія изъ своей гостиной кто идетъ къ нему и что несетъ въ даръ ишану. Первая причина, значить, тьма духовная, царящая среди нашего туземнаго и особенно киргизскаго населенія.

Вторая—мусульманскій фанатизмъ, создающій удобную почву для объявленія «газавата» на всякомъ мѣстѣ и во всякое удобное время.

Третья—значительная власть, сосредоточенная въ рукахъ не испытанныхъ въ преданности русскимъ интересамъ волостныхъ управителей. (Вѣдь приложили же нѣкоторыя должностныя лица свои печати къ митожному воззванію ишана Мадали!)

Четвертая и самая главная причина—это разстояніе, отдѣляющее русскую администрацію отъ непосредственныхъ сношеній и непосредственнаго воздѣйствія на туземное населеніе. Уничтожить это разстояніе, разбить каменную стѣну, закрывающую жизнь народа отъ глазъ управляющихъ, и составляетъ главную нашу, неотложную задачу, а что для этого надо сдѣлать, отчасти сказано выше, а отчасти, вѣроятно, выскажутъ еще многіе, кто не откажетъ сообщить по этому вопросу свои наблюденія и соображенія.

Одно только можно сказать въ заключеніе, что Туркестанскій край въ теперешнемъ его состояніи никоимъ образомъ нельзя еще считать вполне слившейся съ метрополіей окраиной и что далеко не пришло еще время подводить условія жизни въ край подъ общія правила, годныя для внутренней Россіи.

Въ Туркестанѣ и до нашихъ дней еще такъ много неизвѣданнаго и самобытнаго, что интересующимся изученіемъ бы-

товыхъ условій жизни туземнаго населенія остается еще непочатый край трудной усидчивой работы, которая, въ концѣ концовъ, должна дать въ результатъ взаимное близкое знакомство русскихъ, живущихъ въ краѣ, съ населяющими край туземцами, а вѣдь только короткое знакомство можетъ внушить взаимное пониманіе и взаимное довѣріе.

Туземцы народъ осторожный, они всего боятся, всякаго подозрѣваютъ въ недостаткѣ искренности.

Какъ клинъ можно вышибить только клиномъ, такъ и эту, нажитую вѣками, подозрительность народа можно парализовать только искреннимъ, сердечнымъ отношеніемъ къ завоеванному нами народу, а противъ такой силы, какъ искренность и доброжелательство, не устоитъ ни мусульманскій фанатизмъ, ни косность туземнаго населенія.

Нужна только хорошо обдуманная программа дѣйствій, точное ея выполненіе на всемъ протяженіи Туркестанскаго края и справедливость, справедливость прежде всего.

Н. С. Лыкошинъ.